

19502

Научная библиотека СПбГУ

1001600227

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ.

В наших вузах безраздельно господствует марксизм. Нет ни одной общественной дисциплины, которая находилась бы вне его непосредственного влияния. Политическая экономия, право, история, экономическая география — в руках марксистов или близких к ним преподавателей. Представители немарксистского направления не имеют возможности ни двигать вперед общественную науку, ни преподавать ее нашему юношеству. Впервые создается для марксизма положение, при котором он, не переставая быть боевым учением революции, может стать предметом академического изучения, углубления и применения к различным отраслям общественнознания. Но такое положение обязывает. Благодаря тому обстоятельству, что у марксистов не было досуга заниматься спокойной академической разработкой теоретических проблем, выдвинутых Марксом, многое в них до сих пор еще недостаточно выяснено. Эта-то неясность особенно больно чувствуется именно теперь, когда все отрасли общественнознания могут развиваться только на основе марксизма.

Такое положение вещей наблюдается и в области исторической науки. До Октябрьской революции она в очень малой мере испытывала на себе влияние исторического материализма: лишь небольшая область прошлого была изучена с марксистской точки зрения. Поэтому, когда после Октябрьской революции история, как предмет не только научных изысканий, но и школьного обучения, очутилась почти в монопольном распоряжении марксистов, оказалось, что у нас мало марксистов-историков и что между ними нет единодушия по самым основным вопросам. Наши историки «бредут разное», по собственному разумению и часто без обстоятельной исследовательской работы давая объяснения фактам прошлого. Всякий, знакомый с нашей учебной исторической литературой, хорошо знает, как много встречается в ней противоречий, а порой и парадоксов. Излагаются и объясняются по разному не только факты; различен и подход к основным, кардинальным вопросам теории и методологии исторической науки.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько образцов того и другого рода. Вот, напр. перед нами две очень распространенные учебные книги: А. Дзюкин, Новейшая история западной Европы, т. I, и Я. Захарьин, Великая французская революция. Попробуйте выяснить по этим книгам классовую природу французского абсолю-

Проверка
2007

тизма в XVIII веке, и вы получите диаметрально противоположных объяснения. У Л у к и н а на стр. 58 (2 изд.) вы читаете: «во Франции господствовала абсолютная монархия, опиравшаяся преимущественно на *торговый капитал* и *отчасти на крупное землевладение* (курсив мой. Н. А.) На стр. 99 та же мысль высказывается в несколько смягченной форме: «Французская монархия XVIII века была дворянско-буржуазной», причем, однако, «интересы дворянства отнюдь не стояли у него (короля) на первом месте». А З а х е р утверждает, что государственный строй Франции старого порядка, «построенный на началах самодержавия и бюрократического централизма, являлся вместе с тем господством земельного дворянства, устранявшим буржуазию от всякого участия в политической власти и ставившим ее в ряды политически бесправного третьего сословия» (стр. 20 - 21, 2 изд.). Кому же из двух авторов должен поверить студент, изучающий данную историческую эпоху? Его недоумение не уменьшится, если у Л у к и н а он прочтет, что жирондисты представляли «торгово-промышленную буржуазию», а у З а х е р а узнает, что они выражали интересы «торговой буржуазии». Неважно сейчас, кто из авторов ближе к истине, но ясно, что один из них или оба вместе неправильно истолковывают исторические факты.

Или возьмем недавно появившуюся книгу Н. Розенталя: «История Европы в эпоху торгового капитализма». Главным действующим лицом эпохи автор считает торговую буржуазию: ее интересами определяются все главнейшие социально-политические явления западноевропейской истории XV — XVIII в. Чтобы доказать это, автор под торговой буржуазией понимает не только купцов, но и дворян-землевладельцев, отправляющих продукты своих имений на продажу: «Наряду с купцом, — говорит он, — посредническую функцию выполняет и феодал-землевладелец, собирая с зависимого от него населения оброки и стремясь превратить их в деньги; он сам прямо или косвенно вмешивается в торговлю». (Введение.)

Известно, что в английском парламенте до революции середины XVII века и после нее подавляющее большинство членов состояло из дворянства. Но полагая, что дворяне, связанные «прямо или косвенно» с рынком, те же купцы, автор указанной книги делает тот вывод, что «В монархии Генриха VII господствующим классом была торговая буржуазия». Автор склонен, повидимому, думать, что именно поэтому великая английская революция была буржуазной революцией. Считая подобно Лукину торговую буржуазию главной опорой абсолютной монархии, он объясняет это тем, что и сельским хозяевам, и купцам была одинаково нужна сильная государственная власть, способная обеспечить обществу внутренний порядок и расширить его внешние связи.

И в данном случае я не буду входить в рассмотрение, насколько правильны или неправильны эти утверждения. Отмечу лишь, что, по мнению других историков-марксистов, напр. Р о ж к о в а, абсолю-

293-98

тизм XVII — XVIII веков «служил интересам дворянства» (см. соответствующие главы в томах VI и VII его «Истории России в сравнительно-историческом освещении») А вот М. Н. Покровский в своей «Русской истории в самом сжатом очерке» весьма категорически утверждает: «при первых Романовых лучше всего жилось крупному торговому капиталу; в лице Минина и Пожарского одержал победу торговый капитал, для которого купцы были хозяевами, а помещики первыми и ближайшими слугами; все привыкли к тому, что семья Романовых добросовестно служила торговому капиталу» (стр. 58 — 59, 2 изд.).

Не совсем благополучно обстоит дело с объяснением не только классовой природы абсолютизма, но и вообще эпохи торгового капитализма. У Лужина мы узнаем, что «началом так называемой новой истории европейского общества может быть XVI век, поскольку именно с этого времени в главнейших странах Западной Европы начинается эпоха торгового капитализма. В конце XVIII века она сменяется эпохой капитала промышленного» (стр. 7). Это утверждение вовсе не составляет оригинальной мысли Лужина: он высказывает необычайно распространенную среди историков-марксистов мысль, которая кажется многим совершенно бесспорной. Правда, не всем. Так, И. С. Плотников в «Коммунистическом университете на дому» заявляет: «Господствующая роль торгового капитала, вытекающая из неразвитости хозяйства, дала повод к наименованию эпохи, предшествующей в Европе развитию капитализма, эпохой торгового капитала. Мы являемся противниками такого термина, потому что он слишком неопределенен... В духе марксова учения деление истории человечества на эпохи должно опираться на характер способа производства, чего как раз нет в понятии торгового капитала». (№ 6, стр. 101). С точки зрения на торговый капитал, изложенной в только-что цитированных строках, весьма странными представляются речи Лужина, Покровского и Розенталя, отводящих такое огромное значение торговой буржуазии в истории докапиталистического общества.

Я вовсе не хочу исчерпать все случаи взаимно-исключающих суждений относительно важнейших исторических фактов. Я хотел бы только подтвердить несколькими примерами ту мысль, что марксистская историческая наука находится в младенческом состоянии. Так и хочется сказать словами Энгельса: «Как много еще нужно сделать в теоретическом отношении, в особенности в области экономической истории и ее связи с политической, правовой, религиозной, литературной и культурной историей вообще!» (Из письма к К. Шмидту от 17 X 1889 г.¹) А затем он прибавляет: «Только ясный теоретический взгляд может показать правильный путь в лабиринте фактов». Повидимому, эта-то «ясность теоретического взгляда» и отсутствует у многих наших

историков, которые всегда ищут, но не всегда находят «правильный путь в лабиринте фактов».

Нет ясности и по одному из самых основных вопросов исторической науки — по вопросу о ее задачах. Рожков, напр., отождествляет историю с динамической социологией. Ему вторит С. И. Ковалев в своем «Курсе всеобщей истории» (т. I, Введение): «История в ее истинной научной, номотетической, а не идиографической постановке (такую историю еще называют «типологической») совпадает с подлинной социологией» (стр. 13). Бухарин же в «Теории исторического материализма», наоборот, проводит резкую грань между историей и социологией. Одни стремятся при помощи истории изучать «законы развития человеческого общества» (Ковалев, стр. 13). Другие полагают, что это дело вовсе не историка, а социолога; историк же занимается тем, что «прослеживает и описывает, как протекает поток общественной жизни в такое-то время и в таком-то месте» (Бухарин, стр. 11).

Если уяснить источники подобных *qui pro quo*, едва ли мы ошибемся, если скажем, что они происходят, главным образом, благодаря неразработанности марксистской исторической методологии. Мне кажется, настало время обратить самое серьезное внимание на выяснение основных методических вопросов исторической науки в марксистской ее постановке. Только тогда получим мы твердую точку опоры и для периодизации истории, и для правильного объяснения исторических фактов. Но повторяю, методология материалистического понимания истории разработана крайне слабо. Нет ни одной специальной работы, посвященной этому предмету, в высокой степени важному для историков-марксистов. Существует лишь ряд векользв большей частью в пылу полемики брошенных методологических соображений и у самых основателей исторического материализма и у ближайших истолкователей их исторической теории (Каутского, Плеханова, Меринга). Немудрено, что наши историки-марксисты приступают к работе без достаточной методологической подготовки.

Изучение исторического материализма, обязательное для историка-марксиста, даст надлежащую социологическую подготовку. Но этого мало. Надо продумать способы применения исторического материализма к объяснению конкретных фактов. Необходимо уяснить основные задачи своей науки, с методологической точки зрения изучив исторические труды Маркса и Энгельса, а также некоторые выдающиеся работы таких мастеров материалистического метода в истории, как Каутский, Меринг, Плеханов, Рожков, Покровский. Далеко не все в трудах их может быть принято «к сведению и руководству»; но и самые ошибки представляют большой интерес, показывая, к каким противоречиям с действительностью приводит уклонение от действительно-научного изучения исторических фактов.

Благодаря отсутствию у большинства наших историков достаточной

методологической подготовки, совершенно неизбежна разногласия по самым основным вопросам как теории истории, так и истолкования ряда конкретных фактов. Здесь уместно припомнить следующие строки из письма Э н г е л ь с а к Б л о х у от 21 IX 1890 г.: «К сожалению, — пишет Э н г е л ь с, — сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу уверить многих новейших марксистов». ¹ Можем ли мы, положа руку на сердце, сказать, что теперешние «новейшие марксисты» в этом отношении совершенно безупречны?

Методология истории представляет учение о способах исследования и объяснения явлений прошлой жизни человеческого общества. Она включает в себя 1) ряд теоретических проблем и 2) ряд проблем технических, касающихся приемов и способов нахождения, установления и истолкования документов и памятников, на основании которых мы восстанавливаем факты прошлого. Эта техническая часть методологии очень хорошо разработана в таких солидных трудах, как «Lehrbuch der historischen Methode» Б е р н г е й м а (Bernheim), «Методология истории» Л а п п о - Д а н и л е в с к о г о, «Введение в изучение истории» Л а н г л у а и С е н ь о б о с а, а также вкратце у проф. К а р е с е в а («Теория исторического знания») и проф. Х в о с т о в а («Теория исторического процесса»). Но теоретические проблемы исторического знания освещены в них совсем не так, как следовало бы с точки зрения исторического материализма (выпрощен, в книге Л а г л у а и С е н ь о б о с а разработка теоретических проблем и вовсе отсутствует). Поэтому именно часть методологии, касающаяся «теории истории», представляет для марксиста-историка и марксиста-социолога весьма обширное, заманчивое и особенно важное поле исследования. В настоящей статье я могу лишь наметить важнейшие методологические проблемы исторической науки. Обстоятельное их изучение составило бы содержание целой книги.

На первом месте, конечно, стоит проблема истории, как науки. Является ли она особой наукой, или же целиком сливается с социологией? В зависимости от того, как решается этот вопрос, находится определение основных задач историка и приемов его работы. В связи с этим вопросом стоит проблема закономерности в истории. На этих двух проблемах я позволю себе остановиться во второй половине статьи, а пока укажу на другие проблемы теории истории, которые требуют очень обстоятельного изучения именно с точки зрения методологической.

1. Когда и как для объяснения исторических фактов надо привлекать понятие «производительных сил»?

Очень часто «производительные силы» играют роль чисто словесного украшения стиля, чтобы сделать его марксистским. Происходит это

¹ А д о р а т с к и й, стр. 306.

большей частью потому, что историк не отдает себе ясного отчета, в каких именно случаях следует, а в каких вовсе не надо апеллировать к развитию производительных сил.

2. Какого рода исторические факты и как можно ставить в связь с влиянием географической среды?

Решать эту проблему, как и ранее указанную, следует не при помощи общетеоретических рассуждений о роли природных условий в жизни общества, а на ряде конкретных примеров.

3. В каких случаях необходимо исторiku обращаться за объяснением к воздействию на жизнь данного народа социально-исторической среды, его окружающей?

Эта проблема имеет особенную важность для историка-марксиста. Известно, какое огромное значение придавали Маркс и Энгельс внешней исторической среде в жизни народов. Эту идею очень талантливо развивал Плеханов в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». То, что он писал слишком 30 лет тому назад, должно было бы считаться теперь азбучной истиной. Однако, кое-кто из «новейших марксистов» этой идее не приемлет, полагая, что она «чужда марксизму».¹

4. Какой характер имеет понятие «класса» и «классовой борьбы» в истории — тот ли, что в политической экономии или иной?

Известно, что понятия являются орудием познания, что их объем и содержание находятся в зависимости от познаваемого нами фактического материала. В теории политической экономии мы имеем три основных класса капиталистического общества — капиталистов (получающих прибыль), землевладельцев (получающих земельную ренту) и рабочих (получающих заработную плату). Достаточно ли такое разделение для истории? Ответа на этот вопрос нужно искать прежде всего в исторических трудах основателей исторического материализма.

¹ Чтобы это утверждение не показалось голословным, приведу факт. Два года тому назад один из таких «новейших марксистов» Фридлянд, жестоко и грубо разбрав меня за то, чего не понял (или не хотел понять) в моей очень попятно написанной книге («К вопросу о понимании закономерности в истории», изд. «Книга», Ленинград, 1925), между прочими тяжкими обвинениями приписал мне мнимую приверженность к «фактору международных связей». Он пишет: «Н. Андреев критикует марксистов, которые игнорируют историческую среду, заменяют изучение конкретной действительности схемой». Но вот автор «социологического этюда» внес поправку в обычные марксистские схемы: «Экономика данного народа, а равно и взаимоотношения классов, характер классовой борьбы и особенности данного народа испытывают на себе влияние других народов (влияние исторической среды), история которых, в свою очередь, складывается под влиянием их экономики». Но этот фактор «международных связей», не покрываемый экономикой и классовой борьбой — нечто чуждое марксизму». Всякий знающий марксист, прочитав эти строки, сразу же сообразит, что взятые Фридляндом в кавычки слова представляют просто перифраз Плеханова и что в них нет ничего чуждого марксизму. Но если выраженная в них мысль представляется анти-марксистской Фридлянду, преподающему историю в вузах и автору учебных руководств по истории Запада, то что же можно сказать об историках-марксистах меньшего калибра! См. сборник «Вопиствующий Материалист», № 4.

5. Во всех ли случаях историк, объясняющий данный ряд фактов, должен прибегать к экономике, или возможны случаи, когда этого вовсе не требуется?

Вопрос важен в том отношении, что правильное его разрешение устраняет недоразумение, на которое указывал Э н г е л ь с и которое все еще продолжает оказывать влияние на историков-марксистов, полагающих, будто к «экономике» надо прибегать при объяснении решительно всех исторических фактов. В письме к Иосифу Блоху от 21 IX 1890 г. Э н г е л ь с между прочим писал: «Прусское государство возникло и развивалось благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Б р а н д е н б у р г был назначен для роли великой державы». И далее: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономически происхождение верхне-немецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины».¹ Соображения Э н г е л ь с а с необычайной ясностью обрисовывают всю гибкость материалистической методологии, которая дает возможность исследователю быть верным теории, не калеча в угоду ей фактов.

6. В каких случаях необходимо для объяснения той или иной группы исторических фактов апеллировать к деятельности «великих людей»?

7. Как следует и как не следует историку пользоваться понятием «идеологии» для объяснения событий?

На эти вопросы мы тоже находим у обоих мыслителей определенные ответы не только в форме теоретических рассуждений, но и в форме разработки и освещения конкретных фактов, что особенно важно для выяснения методологических вопросов.

8. Можно ли объяснять бытом данного народа, т. е. его обычаями, правами и привычками, особенности и характер таких событий, как революция, реакция и т. п.? И если можно, то как именно?

Проблема быта представляет огромную важность не только для практического политика, но также и для социолога и историка. Проблема эта, однако, еще очень мало разработана социологически, а историки изображают быт данного народа по большей части не столько для того, чтобы уяснить характер и особенности изучаемых фактов, сколько ради «полноты картины». Между тем в условиях быта историк найдет объяснения многих явлений исторической жизни народа или класса.

Я вовсе не думаю перечислять все проблемы теории истории, разра-

¹ Письма Маркса и Энгельса, собр. А д о р а т с к и м, стр. 304 — 305. К сожалению, перевод писем не во всех случаях хорош.

ботка которых необходима, чтобы создать твердую методологическую основу исторических изысканий. Мне важно только наметить самый характер этих проблем, тесно связанных с основными проблемами исторического материализма. Теория исторического материализма устанавливает ряд общих социологических истин, а история применяет их к истолкованию конкретных исторических фактов. На методологию можно смотреть, как на дисциплину промежуточную, между историческим материализмом и историей.¹

Из перечисленных методологических вопросов исторической науки особенную важность имеют два, а именно: о задачах истории и об исторической закономерности. То или другое их решение предопределяет и решение прочих проблем. Выше было указано, что по первому из них среди марксистов существуют две противоположные точки зрения: одна рассматривает историю как социологию, другая проводит между ними очень существенное различие. Какая же из них правильна? У основателей исторического материализма мы не находим прямого ответа на вопрос. Но всякий, кто свободен от предвзятых идей, очень легко найдет в их работах не мало косвенных указаний на решение вопроса в том духе, как сделал это в своей книге Б у х а р и н. В дальнейшем я приведу некоторые наиболее яркие указания Маркса и Энгельса.

П л е х а н о в у, книга которого «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» до сих пор является лучшим изложением марксовской социологии, также не приходилось вплотную подходить к этой проблеме. Все же он различал историю от социологии и вовсе не считал их чем-то единым. Вот что читаем мы между прочим в названной книге: «Так как каждое общество подвергается влиянию своих соседей, то можно сказать, что для каждого общества существует в свою очередь известная общественно-историческая среда, влияющая на его развитие. Сумма явлений, испытываемых каждым данным обществом со стороны его соседей, никогда не может быть равна сумме тех же влияний, испытываемых в то же самое время другими обществами. Поэтому каждое общество живет в своей особой исторической среде, которая может быть и действительно часто бывает очень похожа на историческую среду, окружающую другие народы, но никогда не может быть и никогда не бывает тождественна с ней. Это вносит чрезвычайно сильный элемент разнообразия в тот процесс общественного развития,

¹ Было бы вполне целесообразно методологические вопросы истории связать с историческим материализмом. Но для этого необходимо изменить постановку данной науки в науках. До сих пор еще материалистическая социология преподается в неразрывной связи с философией. Едва ли для в у з а это целесообразно. Философская часть исторического материализма, которую можно назвать диалектическим материализмом, слишком обширна и сложна, чтобы ее во что бы то ни стало объединять с социологической его частью. Если последнюю часть, собственно и представляющую исторический материализм, считать самостоятельной дисциплиной, все методологические проблемы истории органически вошли бы в нее.

который с нашей прежней отвлеченной точки зрения представлялся до крайности схематичным». ¹

О какой «отвлеченной» точке зрения говорит Плеханов? И почему с этой точки зрения «процесс общественного развития» представляется «до крайности схематичным»? Известно, что прежде, чем подойти к вопросу о разнообразии в историческом развитии отдельных обществ, Плеханов изложил и истолковал те основные положения исторического материализма, которые содержатся в предисловии к «Zur Kritik der polit. Oekonomie». По его собственному признанию, он вынужден был стать на «отвлеченную точку зрения» и потому изобразил процесс общественного развития в «до крайности схематическом» виде. Другими словами, он изучал не исторический, а социальный процесс развития, который происходит вообще в каждом человеческом обществе. Эта-то «отвлеченная» точка зрения на процесс общественного развития и есть социологическая точка зрения. Этой отвлеченной точке зрения Плеханов противопоставляет точку зрения историческую, т. е. такую, при которой принимаются в расчет те особые условия места и времени, в которых протекает изучаемый социальный процесс.

Различие между социологией и историей еще яснее выступает в другой книге Плеханова «Основные вопросы марксизма». Показывая, как Маркс решил задачу, над которой безрезультатно бились материалисты предшествовавшей эпохи, Плеханов замечает: «Само собою разумеется, что, говоря о полном решении, мы имеем в виду не арифметику общественного развития, а его алгебру, не указания причин отдельных явлений, а указания того, как надо подходить к открытию этих причин. А это значит, что материалистическое понимание истории имело прежде всего методологическое значение. — Алгебра общественного развития — это и есть социология, а его «арифметика» — история. Правда, указание Плеханова, что материалистическое понимание истории имеет прежде всего методологическое значение, может кое-кого ввести в заблуждение и заставить думать, будто не может быть и речи о какой-то особой науке социологии. Но, как уже совершенно правильно указал Бухарин, «то обстоятельство, что она (теория исторического материализма) есть метод для истории, ни в коей мере не унижает ее значения, как социологической теории. Очень часто более абстрактная наука дает точку зрения (т. е. метод) науке менее абстрактной». ²

Итак, «алгебраически», т. е. социологически взятый процесс об-

¹ Изд. «Рабочий», стр. 156. Кстати, рекомендую эти строки вниманию моего строгого критика, о котором упоминал выше. Впрочем, два года, прошедшие с тех пор, быть может, не прошли для него даром. Надо полагать, что теперь он уже познакомился несколько больше с тем самым марксизмом, который он вздумал защищать от . . . Маркса.

² Изд. «Огни», 1917 г., стр. 35.

³ Бухарин, Теория исторического материализма, 1928 г., стр. 12.

пественного развития везде и всюду протекает одинаково. Одинаковость заключается в том, что общественная жизнь людей в процессе развития подчиняется тому закону соотношения общественных явлений, который сформулирован М а р к с о м в предисловии к «Zur Kritik». Сущность же самого закона состоит в том, что основной причиной всех общественных перемен является развитие производительных сил. Ни одно общество не может испытать сколько-нибудь существенных перемен, пока в его недрах не произойдут достаточные изменения в состоянии производительных сил. Обоснование этого закона и вытекающих из него последствий составляет одну из наиболее существенных задач социологии. Здесь дело идет не о том или другом конкретном обществе, а об обществе вообще. Когда изучается процесс общественного развития в данном обществе и в данное время, само собою разумеется, приходится принимать в соображение целый ряд таких обстоятельств, которые в развитии другого общества либо вовсе не играют роли, либо играют очень малую роль. Здесь из области социологии мы переходим в область истории.

Едва ли для исторического материализма возможна иная позиция в этом вопросе. Поэтому марксистам, отождествляющим историю с социологией, необходимо доказать, что либо предлагаемая интерпретация плехановской позиции неправильна, либо они лучше истолковывают Маркса, чем Плеханов, либо, наконец, вообще Маркс и Плеханов заблуждаются, отделяя социологическую точку от исторической.

Если Маркс, Энгельс, Плеханов (а также Каутский и Меринг) непосредственно не занимались интересующей нас проблемой, то у Л а б р и о л ы, высоко авторитетного представителя исторического материализма, мы находим совершенно ясные соображения на счет того, что историческую науку совершенно непозволительно смешивать с социологией. Изложив и разъяснив в своей книге об историческом материализме историческое учение Маркса, Лабриола утверждает: «Это учение, позволившее окончательно и объективно исследовать социальную структуру, должно в конечном итоге дать точное направление историческому исследованию и завершиться точным, ясным и обстоятельным повествованием». ¹ Немного дальше он выражается гораздо яснее: «Подлинная сущность вопроса заключается... не в том, чтобы подготовить социологию на место истории, как будто последняя была видимостью, скрывавшей позади себя тайную действительность: сущность вопроса в том, чтобы понять историю полностью во всех ее интуитивных проявлениях и понять ее именно благодаря экономической социологии» (159).

¹ А. Лабриола, Исторический материализм, пер. А. Н. Горлина, 1922, стр. 156. Приходится пожалеть, что эта прекрасная и очень нужная именно для русских читателей книга переведена на русский язык человеком, повидимому, не имеющим никакого отношения ни к истории, ни к социологии, благодаря чему перевод не выдержан и не точен.

Итак, материалистически изучаемая история представляет предмет особой науки, отличной от социологии. Историческая наука ставит целью изучение фактов прошлого, причем не просто описывает, а объясняет их. А известно, что всякое объяснение фактов в конечном счете сводится к установлению между ними закономерной связи. Следовательно, историческая наука изучает факты прошлого в их закономерной связи.

Таким образом мы подходим ко второй проблеме — о закономерности в истории. Как же нужно ее понимать? Прежде всего необходимо решительно отбросить то понимание закономерности, которое коренится в старых метафизических схемах философии истории. Оно, как известно, сводится к допущению некоего «п л а н а», по которому совершается история и всего человечества, и отдельных народов. Допущение такого плана обуславливает предопределенность исторического развития: общества проходят определенные стадии или ступени развития, частично осуществляющие план или ту конечную цель, к которой направляется ход развития. С этой точки зрения закономерность исторического процесса (совпадающая с целесообразностью) проявляется в предопределенной смене ступеней развития. Порядок смены и есть «закон истории». Было бы неправильно думать, что эта старая философско-историческая метафизика давно умерла. В новом наукообразном виде она воскресает и в построениях Р и к к е р т а, и в схемах некоторых позитивных социологов и в трудах историков, уверенных, что все народы непременно должны проделать один и тот же путь развития.

Эта точка зрения особенно хорошо выражена Л а в р о в ы м в «Задачах понимания истории» (М., 1898). По его мнению, история имеет дело с фактами неповторяющимися, которые располагаются в определенные эволюционные ряды. Задача исторической науки заключается в том, чтобы найти закон эволюции человеческого общества. «Один и тот же термин «закон», — говорит Лавров, — имеет различный смысл для области повторяющихся фактов и для области эволюции. Для первой найти закон значит — установить условие их повторяемости. Для второй понятие о законе обозначает нормальный порядок последовательности фактов эволюции» (стр. 16). История должна «открыть закон нормальной последовательности фазисов общественной жизни, как в отдельных коллективностях, так и в человечестве в его целом» (26).

Правда, далеко не все историки и социологи, подобно Лаврову допускающие возможность установить закон исторического развития в смысле «нормальной последовательности фазисов общественной жизни», считают исторические факты неповторяющимися. Наоборот, большинство их исходит из той мысли, что в истории факты также повторяются, как и в природе.¹ Но для существа дела это не имеет значения:

¹ См. напр. утверждение Р о ж к о в а: «Нет изречения, которое было бы более ошибочно, чем то, которое гласит, что «история не повторяется». Напротив, история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе». (История России, т. I, 1 изд., стр. 11.)

так называемые «номотеисты», утверждая повторяемость явлений в истории, тоже имеют в виду историю не одного народа, а всех народов вообще. Следовательно, дело здесь не в том, повторяются или не повторяются исторические явления, а в том, существует ли единая и притом обязательная для всех народов схема развития. Я подчеркиваю: обязательная схема развития, так как, если бы не было ее обязательности, она вовсе не имела бы значения закона.

Когда марксизм в 90-х годах прошлого века получил широкое распространение, в головах многих его адептов крепко засела мысль, что все народы идут по одному пути и что страны остальные могут видеть, как в зеркале, свое будущее в странах передовых. Вот почему Рожков и многие другие историки-марксисты обнаруживают симпатию к единой и обязательной для всех народов схеме развития.

Но нет ничего более ошибочного, чем приписывать Марксу и Энгельсу такого рода представление о закономерности исторического развития.¹ Точка зрения Маркса с величайшей определенностью формулирована в письме в редакцию журнала «Отечественные Записки», написанном к концу 1877 г. Письмо, как известно, вызвано было статьей Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского», помещенной в одной из книг этого журнала. Защищая Маркса от нападок Жуковского, Михайловский настолько неправильно интерпретировал его взгляды на историческое развитие, что Маркс счел нужным устранить недоразумения, допущенные Михайловским.

«Ему, — пишет Маркс, — непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития, — в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти в конце концов к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека». Иллюстрируя свою мысль об особенностях в истории разных народов экономическим развитием древнего Рима, где было так много аналогичного развитию европейского капиталистического общества, Маркс приходит к выводу: «События, поразительно аналогичные между собою, но происходящие в исторически-различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собою, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя притти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (*passe-partout*) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности».²

¹ Любопытно, что и среди теоретиков, относящихся к Марксу отрицательно, господствует то же неправильное представление об его исторических взглядах. См., напр., Лаппо-Данлевский, *Методология истории*, ч. I.

² Адоратский, *Письма*, стр. 265 — 266.

Если бы Маркс ничего не написал, кроме этих строк, их вполне было бы достаточно, чтобы утверждать: духу материалистического понимания истории чужда мысль о каком-то единообразном ходе развития всех народов. Идею индивидуальности исторических явлений Маркс высказывает не однажды. По совершенно справедливому замечанию М. Н. Покровского, «эту индивидуальность общественных отношений Маркс подчеркивает везде». ¹ Так, напр., в предисловии к «18-го брюмера Луи-Бонапарта» Маркс предостерегает против проведения поверхностной аналогии между французским бонапартизмом и древне-римским цезаризмом: «При том коренном различии в материально-экономических условиях античной и современной классовой борьбы и политические проявления ее в обе эпохи имеют между собою не более сходства, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил». ²

Увы! Как много еще марксистов, не переваривших этой мысли и склонных чистосердечно брать под одну скобку «архиепископа Кентерберийского и первосвященника Самуила»! Поэтому прав Антонио Лабриола: для нас, марксистов, «самое главное — это уразуметь, что прогресс... не висит над ходом человеческой истории, как рок или фатум, или как непреложная заповедь... Наша доктрина не претендует на роль мысленного зрелища какого-либо великого плана или замысла, а является лишь методом для анализа и концепции». ³ У Плеханова мы тоже находим не мало аналогичных утверждений. Но и приведенные доказательства достаточно выясняют ту бесспорную мысль, что марксизму совершенно чужда идея о единообразии исторического развития и что, следовательно, не существует единого для всех народов закона, в силу которого развитие непременно проистекает в одном направлении, проходя одни и те же стадии.

Ну, а как же быть с неизбежностью социализма? — спросят меня некоторые наивные читатели. Ведь если нет единого пути развития, социализм является обязательной стадией вовсе не для всех народов? С точки зрения Маркса каждая общественная формация развивается по своим особым, именно ей свойственным законам. Там, где возникают производственные отношения, свойственные капитализму, они естественно развиваются по законам капиталистического общества. Эти законы неизбежно ведут капитализм к социализму. Следовательно, социализм неизбежен там, где предварительно развиваются капиталистические производственные отношения и притом достигают известной, довольно высокой ступени развития. Неизбежность социализма Маркс и Энгельс выводили, анализируя тенденции развития капиталистического общества, а не на основе какого-то мифического

¹ Маркс как историк, «Вестн. Соц. Акад.», в. 4, стр. 378.

² «Исторические работы К. Маркса», пер. Базарова и Степанова, 1906, стр. 142.

³ «Исторический материализм», пер. Горлина, стр. 94 — 95.

исторического закона, в силу которого это непременно должно произойти.

Могут спросить также: как же понимать схему общественного развития, заимствованную Энгельсом у Моргана и обоснованную в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»? Читая эту книгу, казалось бы, неизбежно приходишь к выводу, что все народы в общем шли по одному пути экономического, политического и культурного развития. Не впадает ли Энгельс как раз в тот самый грех, в котором Маркс обвинял Михайловского? На первый взгляд, действительно, получается вопиющее противоречие, но только на первый и очень поверхностный взгляд. На самом деле Энгельс полностью стоит на почве марксизма и нисколько не повинен в признании «исторического закона», согласно которому все народы повторяют друг друга в их историческом развитии.

Свою книгу Э н г е л ь с начинает словами: «Первый, кто со знанием дела попытался внести определенный порядок в первобытную историю человечества, был Морган. И его группировка, вероятно, останется в силе до тех пор, пока значительно разросшийся материал не заставит изменить ее». ¹ Из этих слов Энгельса видно, что схему Моргана он считал очень удачной, выполненной со знанием дела группировкой фактического материала. Эта группировка представляет определенную схему развития доисторического человечества. Конечно, предпосылкой такого рода схем всегда служит мысль, что развитие форм общественного быта у разных народов шло более или менее одинаково. Эта мысль неизбежно возникает у всякого историка, изучающего процесс общественного развития не одного, а многих народов. Но одно дело — обобщить результаты исследования в виде определенной схемы развития, а совсем другое дело — придать полученной схеме значение закона развития. Аналогии ставят перед исследователем задачу объяснить возможность, а нередко и неизбежность их. И, несомненно, существуют законы, в силу которых во многих случаях (но не всегда) общественное развитие разных народов проходит через одни и те же фазы.

Мы еще не знаем этих законов, но знаем факты параллелизма в развитии различных обществ. Именно это обстоятельство и дает нам возможность группировать факты в форме определенных схем, представляющих необходимое в научной работе обобщение огромного фактического материала. Э н г е л ь с именно и считал схему М о р г а н а удачным обобщением, рациональной группировкой фактов, а вовсе не законом, его же не преидеши. Это видно между прочим из того, что он допускает влияние различных природных условий на направление развития: «Характерным моментом периода варварства, — читаем мы на стр. 4, — является приручение и разведение животных и культура растений. Но восточный материк, т. е. так называемый Старый

¹ Перев. с 4-го нем. изд., СПб, 1895, стр. 1.

свет, имел почти всех годных для приручения животных и все способные к культуре хлебные растения, кроме одного; на западном же материке, в Америке, из приручаемых животных была только лама, да и то на ограниченном пространстве на юге. Из всех хлебных растений одно, зато самое лучшее — кукуруза. Такое различие в природных условиях ведет к тому, что отныне население каждого полушария идет по своему особому пути и признаки, разграничивающие отдельные ступени развития, в каждом из обоих случаев различны».

Когда говорят, что данная последовательность развития представляет закон развития, предполагают, что закон выражает некую тенденцию развития, присущую данной группе фактов, имманентную им. По мнению Энгельса, та или другая последовательность развития и самый его характер нередко обуславливаются обстоятельствами, лежащими вне общества, т. е. в природе. Допуская определяющее влияние природных условий на направление или характер развития, мы тем самым отвергаем имманентность развития в метафизическом смысле, т. е. в смысле какой-то заранее предопределенной смены форм. Смена их обуславливается не только свойствами самого общественного организма, но и историческими условиями его жизни. Последние же заранее не поддаются учету.¹

Если закономерность в истории нельзя представлять в виде параллельных рядов развития, пробегающих одни и те же фазы, то как же следует ее мыслить? Плеханов дает на этот вопрос следующий ответ: фактические отношения между людьми «вечно изменяются под влиянием развития производительных сил, равно как под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество. Раз даны фактические отношения людей в процессе производства, из этих отношений вытекают роковым образом известные следствия. В этом смысле общественное движение законосообразно (разрядка моя. Н. А.), и никто лучше Маркса не выяснил этой законосообразности».

С этой точки зрения историческая закономерность заключается в причинной обусловленности исторического развития, причем в конечном счете все явления обусловлены развитием производительных сил. Такое понимание закономерности не менее ясно высказано Энгельсом: огромное значение Маркса, по его мнению, заключается в том

¹ Плеханов не однажды осмеивал такое представление об исторической закономерности (или законосообразности, как он предпочитал выражаться). «Законосообразность исторического движения, — говорит он об утопистах, — принимает у них мистический вид: путь, по которому идет человечество, в их представлении как бы предначертан заранее. И никакие исторические события не могут изменить направление этого пути. — Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 211.

² *Ib.*, стр. 212 — 213.

что он «впервые открыл великий закон, закон движения истории и (разрядка моя. Н. А), закон, согласно которому все исторические конфликты представляют... более или менее ясное выражение борьбы общественных классов за существование, а, следовательно, и столкновение этих классов в свою очередь обусловливается уровнем развития их экономического положения, характером и способом их производства и обусловленного этим обмена. Этот закон имеет для истории такое же значение, как для естествознания закон о превращении энергии». ¹

Обусловленность всех явлений исторической жизни способом производства и обмена Энгельс мыслит, как «закон движения истории». С понятием о «законе движения» у него вовсе не связывается представление о цикле, развития в виде перехода одной фазы в другую. Движение в истории вызывается развитием производительных сил, но само развитие не есть какой-то самопроизвольный процесс, совершающийся в силу имманентно присущих ему тенденций и всюду проходящий те же фазы развития. Ничего подобного! Развитие производительных сил совершается в определенной естественной и социальной среде: направление, особенности, характер развития так же обусловлены, как и все прочее на белом свете.

Итак, материалистическое понимание истории совершенно отрицает всяческие формулы развития, понимаемые, как законы истории. Но оно признает необходимость упорядочивать фактический материал при помощи целесообразно построенных схем. Что касается «законов истории», это в сущности социологические законы. Когда историк утверждает, что задача исторической науки сводится к исследованию фактов в их закономерной связи, он вовсе не думает устанавливать законы общественного развития: он изучает исторические факты при свете уже познанных законов и руководствуется теми социологическими законами, которые установило материалистическое понимание истории. Если последнее считать материалистической социологией, — а именно так мы и должны его рассматривать, — совершенно ясно различие между историей и социологией: последняя изучает законы общественной жизни вообще; первая же, опираясь на эти законы и при их помощи, изучает конкретные факты. Только уяснив себе эту точку зрения, историк-марксист способен изучать историю, не впадая в крайности, подстерегающие его на каждом шагу, — ни в простое летописное повествование о том, что было, ни в претенциозное дедуцирование исторических законов.

Н. Андреев.

¹ Пред. к 3-му изд. «18-е брюмера Луи-Бонапарта», пер. Базарова и Степанова. (Сборн. «К. Маркс, Собрание исторических работ», стр. 138.)